

УДК 159.91**Обзор исследований двухфакторной модели алекситимии и ее психофизиологических оснований и валидность измерительного инструментария****Дорошева Елена Алексеевна**

Кандидат биологических наук,
доцент кафедры сравнительной психологии, кафедры нейронаук,
Институт медицины и психологии В. Зельмана,
Новосибирский государственный университет;
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины,
630117, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Тимакова, 4,
e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Бурова Татьяна Сергеевна

Студент,
Институт медицины и психологии В. Зельмана,
Новосибирский государственный университет;
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Пирогова, 1,
e-mail: burovatiana02@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается двухфакторная модель алекситимии, предполагающая связь этой черты с двумя нейрофизиологическими блоками. Проводится анализ аргументов в пользу выделения когнитивного и аффективного аспектов алекситимии. Проведена проверка психометрических характеристик русскоязычной версии голландского опросника алекситимии Б. Бермонда и Г. Ворста (BVAQ), основанного на данной модели и широко применяемого в зарубежных нейрофизиологических исследованиях алекситимии. Полученные результаты указывают на пригодность ряда психометрических характеристик, однако их определенная противоречивость указывает на необходимость проведения дополнительных исследований для дальнейшей разработки психодиагностического инструментария, который может применяться с целью отбора респондентов при проведении психофизиологических исследований двух компонентов алекситимии. Теоретическое рассмотрение нейрофизиологических оснований двухфакторной модели алекситимии позволяет констатировать наличие убедительных доказательств наличия ее аффективного и когнитивного подфакторов. В то же время эмпирическая проверка психометрических характеристик русскоязычной версии разработанного в соответствии с данной моделью психодиагностического инструмента BVAQ показывает достаточно противоречивые результаты. С одной стороны, опросник демонстрирует хорошие показатели надежности и конвергентной валидности; проверка дивергентной валидности обнаружила разнонаправленные слабые связи двух компонентов алекситимии. В то же время конфирматорный анализ показал низкие показатели

пригодности моделей, построенных на допущении наличия двух факторов алекситимии; также выявлена их слабая взаимосвязь между собой, что противоречит оригинальной модели.

Для цитирования в научных исследованиях

Дорошева Е.А., Бурова Т.С. Обзор исследований двухфакторной модели алекситимии и ее психофизиологических оснований и валидность измерительного инструментария // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 33-43.

Ключевые слова

Алекситимия, когнитивный и аффективный компонент алекситимии, нейрофизиология, голландский опросник алекситимии Бермонда-Ворста, BVAQ, психометрические характеристики, психодиагностика.

Введение. Концепция алекситимии и ее двухфакторная модель

Концепция алекситимии возникла при наблюдении за людьми, страдающими психосоматическими заболеваниями. Исследователи, описывая пациентов с соматическими симптомами, указывали на то, что для части из них характерно специфическая репрезентация собственного эмоционального опыта, характеризующаяся недостаточностью вербальной и символической обработки.

Дословно термин «алекситимия», введенный П. Сифнеосом, означает отсутствие слов для эмоций (от греческого *α* – недостаток, *lexis* – слово, *thymos* – настроение или эмоция) [Sifneos, 1973, 256]. Идея алекситимии, сформулированная П. Сифнеосом, породила широкий интерес в научных кругах относительно вопроса о взаимосвязи алекситимических черт личности и возможной соматизации, решение которого важно для поиска путей психотерапевтической работы с психосоматическими пациентами.

В 1985 году Г. Д. Тейлор, Д. Райан и Р. М. Бэгби сформулировали концепцию алекситимии следующим образом: «Пациенты с алекситимией испытывают трудности с идентификацией и описанием своих чувств, их когнитивный стиль конкретен и основан на реальности, у них бедная внутренняя эмоциональная жизнь и фантазийный мир» [Taylor et al., 1995, 191].

В своих определениях П. Сифнеос, Дж. К. Немия, Г. Д. Тейлор, Д. Райан и Р. М. Бэгби ссылаются на четыре основных компонента алекситимии: снижение или неспособность переживать эмоции; снижение или неспособность выражать эмоции; снижение или неспособность фантазировать; отсутствие склонности размышлять о своих эмоциональных состояниях. Позже к этому списку были добавлены трудности с идентификацией собственных эмоциональных состояний [Vermond et al., 2006].

С момента начала разработки концепции алекситимии были опубликованы шкалы и опросники, направленные на измерение данного феномена (опросник госпиталя Бет Израел, шкала Шеллинга-Сифнеоса, опросник Кристалля и др.). За исключением различных версий торонтской шкалы алекситимии (TAS-26, TAS-20 и TAS-20-R), которая используется как для клинических, так и для научных целей, ни одна из разработанных методик не отвечала в полной мере приемлемым психометрическим требованиям, поэтому не нашла широкого применения в исследовательских работах.

Разработанная Г. Д. Тейлором и коллегами методика TAS-20 сделала возможным

масштабное исследование алекситимии и способствовала привлечению к феномену алекситимии внимания большого количества ученых [Taylor et al., 1995]. Б. Бермонд и Г. Ворст, однако, подвергли критике модель, лежащую в основе методики, поскольку она не охватывает пять описанных выше алекситимических черт. Ими была предложена двухфакторная модель алекситимии, включающая два некоррелирующих между собой компонента – когнитивный компонент обработки эмоций (измеряемый TAS-20) и аффективный компонент (переживания эмоций и фантазирования), и на ее базе разработан инструмент, измеряющий все пять аспектов алекситимии и, предположительно, обладающий хорошими дифференциальными возможностями – Bermond–Vorst Alexithymia Questionnaire (BVAQ) [Bermond, Worst, 1999]. Два измеряемых аспекта – эмоциональность и фантазирование – относятся к аффективным, три других – идентификация, анализ и вербализация своих эмоциональных состояний – к когнитивным аспектам алекситимии.

Идея двухфакторной модели алекситимии, – наличие разных нейробиологических блоков, отвечающих за когнитивные процессы эмоциональной обработки и за собственно эмоциональные процессы. Выдвигаются аргументы в пользу того, что правое полушарие производит глобальную, невербальную обработку и продукцию эмоциональной информации, а левое полушарие отвечает за анализ эмоций и связанные с ними метакогнитивные процессы. Изменения в функционировании правой (в большей степени) и левой орбитофронтальной коры вовлечены в формирование аффективных аспектов алекситимии, особенности активности правой височной коры – в когнитивные аспекты. Активация структур, участвующих в эмоциональном познании, ингибируют активацию в структурах, участвующих в формировании непосредственно эмоций. Было продемонстрировано взаимное ингибирование правого и левого полушариями, субрегионов передней поясной извилины и миндалины и передней префронтальной коры [Bermond et al., 2006]. Высказано предположение о наличии двух полярных когнитивных стилей, связанных с алекситимией, – сильная способность когнитивной оценки эмоциональных состояний, вызывающая подавление эмоций и связанная с преобладанием левополушарной активности, и интенсивная генерация эмоций, связанная с выраженным уменьшением когнитивной обработки эмоций и преобладающей активностью правого полушария [Kolb, Whishaw, 1996]. Приводятся аргументы о высокой пластичности мозговых структур мозга, связанной с поздним онтогенетическим созреванием коры, что, в зависимости от раннего опыта, может формировать устойчивые особенности обработки информации на основе научения [Bermond et al., 2006].

В последующих работах изучался ряд психофизиологических особенностей людей с выраженностью когнитивного либо аффективного блоков алекситимии – как связанных с работой вегетативной нервной системы, так и отражающих функционирование разных областей головного мозга. Идея исследования вегетативных показателей основывается на соображениях о том, что изменения в их работе при регуляции функционального состояния в ответ на действие стрессогенных факторов могут приводить к возникновению психосоматических заболеваний, предрасположенность к которым связана с наличием алекситимических черт [Bermond et al., 2010]. Нейровизуализационные исследования применялись для попытки описания функционального взаимодействия структур мозга при организации процессов, нарушающихся в случае возникновения симптомов алекситимии разного характера. Примером являются исследования с использованием визуальных эмоциональных стимулов, невербальных компонентов речи или генерации конфликтов при обработке визуальных и вербальных стимулов [Goerlich et al., 2012; de Galanet al., 2014]. Сообщается о достаточно противоречивых данных, полученных в различных исследованиях: как согласующихся с предложенной

двухфакторной моделью алекситимии, так и несогласующихся с ней [Goerlich, 2018].

Во всех перечисленных исследованиях основой для формирования выборки служит опросник BVAQ. Переводы опросника BVAQ используются в российских исследованиях, однако проверка психометрических свойств используемых версий не проводилась. Для возможности исследований двух компонентов алекситимии представляется целесообразным апробация русскоязычной версии опросника с проверкой его психометрических характеристик.

Рассматриваемый опросник состоит из двух параллельных форм (А и В), каждая из которых включает по 20 пунктов. Обе параллельные формы формируют расширенную версию методики (форма АВ, 40 элементов). Каждый аспект измеряется четырьмя элементами в форме А и в форме В и восемью элементами в форме АВ. Пять шкал в обеих параллельных формах (А и В) состоят из двух прямых (положительно сформулированных в отношении признака) и двух обратных (отрицательно сформулированных в отношении признака) пунктов (исключением является шкала «Фантазирование»).

Компоненты алекситимии представлены в опроснике следующими шкалами.

Эмоциональность: измерение степени эмоциональной возбудимости человека в различных ситуациях. Примером утверждения в этой шкале является: «Если я вижу, что кто-то рыдает, я остаюсь невозмутимым». К данной шкале относятся пункты опросника 4, 9, 14 (обратный), 19 (обратный), 24, 29 (обратный), 34, 39 (обратный).

Фантазирование: измерение способности человека к фантазированию. Примером пункта этой шкалы является следующее утверждение: «Мне нравится придумывать необычные воображаемые истории». К данной шкале относятся пункты опросника 2 (обратный), 7 (обратный), 12 (обратный), 17, 22, 27 (обратный), 32, 37 (обратный).

Идентификация собственных эмоциональных состояний: измеряется способность человека к определению природы собственных эмоциональных переживаний. Примером пункта данной шкалы является следующее утверждение: «Когда я чувствую себя несчастным, я знаю, боюсь ли я, удручен или грустен». К данной шкале относятся пункты опросника 3 (обратный), 8, 13 (обратный), 18, 23, 28 (обратный), 33, 38 (обратный).

Анализ собственных эмоциональных состояний: измерение способности или стремления человека к анализу и объяснению собственных эмоциональных реакций. Примером пункта данной шкалы является следующее утверждение: «Когда все становится немного непосильным, я обычно понимаю почему». К данной шкале относятся пункты опросника 5, 10 (обратный), 15, 20 (обратный), 25, 30 (обратный), 35, 40 (обратный).

Вербализация собственных эмоциональных состояний: измерение способности или склонности человека к описанию своих эмоциональных состояний, рассказу о них другим. Примером утверждения в этой шкале является: «Я могу словами выразить свои чувства». К данной шкале относятся пункты опросника 1, 6 (обратный), 11, 16 (обратный), 21, 26 (обратный), 31 (обратный), 36.

Авторами оригинальной версии методики были показаны ее удовлетворительные психометрические характеристики. На трех языковых выборках были получены близкие значения коэффициента альфа Кронбаха, отражающие согласованность шкал, среднее значение подшкал около 0,79; общее – 0,85. Анализ главных компонент выявил сопоставимую пятифакторную структуру. Были показаны ожидаемые прямые связи с показателями TAS-20 и с выраженностью психологических проблем респондентов; в то же время не было проведено проверки двухкомпонентной модели алекситимии [Bermond, Worst, 2000].

Более поздние исследования двухкомпонентной модели, которые проводились с помощью конфирматорного (либо смешанного конфирматорного и эксплораторного) анализа данных,

полученных с использованием разных переводов опросника, показывали как преимущества двухфакторного решения с независимыми факторами [например, Vermond et al., 2007], так и пятифакторного решения [например, Bagby et al., 2009]. Вопрос о факторной структуре методики, таким образом, остается открытым. В то же время есть ряд работ, демонстрирующих различия в проявлении предложенных компонентов алекситимии у различных групп. Например, в одной из работ для родственников пациентов, страдающих психозами, было показано существенное усиление проявлений когнитивной алекситимии и отсутствие черт аффективной [van der Velde et al., 2015]. Подобные данные могут свидетельствовать в пользу многофакторности конструкта алекситимии.

В настоящем исследовании изучаются некоторые психометрические показатели русскоязычной версии методики, такие как внутренняя согласованность пунктов опросника, его конструктивная (конвергентная и дискриминативная) валидность, факторная структура.

Материалы и методы эмпирического исследования

Разработка русскоязычной версии опросника

Для создания русскоязычной версии Голландского опросника алекситимии Б. Бермонда и Г. Ворста BVAQ использовали прямой и обратный перевод. При выполнении перевода также стремились к тому, чтобы формулировки вопросов соответствовали привычному разговорному стилю. Пункты опросника приведены в Приложении 1.

В опросном листе расширенной формы опросника испытуемым предлагалось оценить утверждение по 5-балльной шкале: «совершенно неверно», «отчасти неверно», «ни то, ни другое», «отчасти верно», «совершенно верно». Ответам присваивался балл в соответствии со шкалой от 1 до 5 в случае прямых вопросов и от 5 до 1 в случае обратных. Показатель выраженности алекситимических черт рассчитывался суммированием баллов по каждому пункту,

Выборка исследования

Для изучения структуры опросника было привлечено 456 человек, из них 139 мужчин и 317 женщин (средний возраст – 22,5 года). Проверки валидности опросника BVAQ проводилась на выборке из 357 человек (103 мужчины, 254 женщины, средний возраст – 22,6 года), являющейся частью общей выборки.

Методики исследования, использованные для оценки конструктивной валидности опросника BVAQ

Для проверки конвергентной валидности BVAQ применялась торонтская шкала алекситимии TAS-20-R в адаптации Е. Г. Старостиной, Г. Д. Тейлора, Л. К. Квилли, А. Е. Боброва и др. [2010]; Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [2020], для которой ожидалась обратная корреляционная связь с показателями BVAQ, поскольку ранее показана ассоциация алекситимических черт со снижением психологического благополучия. Для проверки дискриминантной валидности голландского опросника алекситимии BVAQ использовали Шкалу потребности в социальном одобрении Кроуна-Марлоу в адаптации Ю.Л. Ханина [Методика..., 2001].

Статистическая обработка данных

Конфирматорный анализ для проверки соответствия структуры опросника ожидаемой проводили с помощью статистического пакета EQS. Прочие расчеты проводились с использованием статистического пакета Jamovi. Для изучения внутренней согласованности

опросника использовали коэффициент α Кронбаха. При проверке на соответствие данных нормальному распределению распределения данных при помощи теста Шапиро-Уилкоксона было выявлено, отклонение некоторых показателей от него (табл. 1). Поэтому при проведении корреляционного анализа применяли непараметрический коэффициент корреляции Спирмена.

Таблица 1 - Проверка показателей использованных методик на соответствие нормальному распределению, критерий Шапиро-Уилка

Показатель	BVAQ	TAS-20-R	Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера	Шкала потребности в социальном одобрении
W	0.993	0.991	0.989	0.987
p	0.071	0.038	0.007	0.002

Результаты и их обсуждение

Показатель внутренней согласованности α Кронбаха для русскоязычного варианта опросника BVAQ составил 0.913, что соответствует высокому уровню надежности и оригинальным показателям. Также была оценена внутренняя согласованность пунктов внутри каждой из пяти шкал. Показатели α Кронбаха оказались приемлемыми и имеют значения выше 0.76 (таблица 2).

Таблица 2 - Внутренняя согласованность BVAQ

Шкалы	α Кронбаха
BVAQ	0.91
Эмоциональность	0.76
Фантазирование	0.87
Идентификация	0.84
Анализ	0.85
Вербализация	0.83

Конструктивная валидность методики проверялась на основе теоретических представлений об алекситимии. При проведении корреляционного анализа были получены результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 3 - Корреляционный анализ по Ч. Спирмену показателей BVAQ и TAS-20-R, шкалы потребности в социальном одобрении и шкалы удовлетворенности жизнью

Показатель BVAQ		TAS-20-R общий	Шкала социальной желательности	Шкала удовлетворенности жизнью
аффективный компонент	r	-0.05	0.18	0.05
	p	0.354	< .001	0.372
когнитивный компонент	r	0.70	-0.17	-0.30
	p	< .001	0.001	< .001
алекситимия (сумма)	r	0.53	-0.04	-0.21
	p	< .001	0.478	< .001

Как и ожидалось, суммарные показатели BVAQ имеют прямую корреляцию ($r = 0.67$) со значениями торонтской школы алекситимии TAS-20-R на уровне значимости 0.001. Также показана прогнозируемая значимая взаимосвязь TAS-20-R и суммой показателей шкал BVAQ,

отвечающими за когнитивный аспект алекситимии («Анализ собственных эмоциональных состояний», «Вербализация собственных эмоциональных состояний», «Идентификация эмоциональных состояний»). Не выявлена взаимосвязь показателей TAS-20-R и суммы шкал, отвечающих за аффективный аспект («Эмоциональность» и «Фантазирование») – это согласуется с тем, что торонтская шкала алекситимии измеряет только ее когнитивные составляющие.

Показатели «Шкалы удовлетворенности жизнью» Э. Динера имеют ожидаемую обратную корреляционную связь с голландским опросником алекситимии BVAQ на уровне значимости 0.001 ($r=-0.24$).

Показатели «Шкалы социальной желательности» Кроуна-Марлоу, которая использовалась для проверки дискриминантной валидности, не имеют значимой корреляции с результатами BVAQ. Однако оба компонента алекситимии показали слабые значимые разнонаправленные связи: когнитивный компонент – отрицательную, а аффективный – положительную. Люди со снижением эмоциональности, не склонные к фантазированию имеют более выраженную потребность в социальном одобрении, тогда как способности понимать, вербализировать, анализировать эмоции связаны с более низкой потребностью. Полученные данные могут свидетельствовать о разной природе компонентов алекситимии. Также стоит отметить, TAS-20-R (как упомянуто выше, измеряющей когнитивный компонент алекситимии) также продемонстрировали значимую обратную связь с показателями «Шкалы социальной желательности» на уровне 0.001 ($r=-0.29$).

Структура методики. На первом этапе рассмотрели корреляции шкал BVAQ и компонентов алекситимии между собой. Результаты корреляционного анализа по Ч. Спирмену приведены в таблице 4. Показатели всех шкал методики и оба компонента алекситимии значимо связаны между собой, что не согласуется с представлениями о независимости когнитивного и аффективного компонентов.

Таблица 4 - Корреляционный анализ по Ч. Спирмену шкал BVAQ и компонентов алекситимии между собой

Показатель	эмоц.	фант.	идент.	анализ	верб.	алекситимия (итог)	когн. комп.
фантаз.	0.33***	—					
идент.	0.15***	0.10*	—				
анализ	0.47***	0.37***	0.54***	—			
вербал.	0.30***	0.10*	0.51***	0.52***	—		
когн. комп.	0.35***	0.21***	0.83***	0.80***	0.82***	0.89***	—
аффект. комп.	0.78***	0.82***	0.13**	0.50***	0.23***	0.69***	0.33**

Примечание. Фант. – фантазирование, идент. – идентификация эмоций, анализ – анализ эмоций, верб – вербализация эмоций, когн. компонент – когнитивный компонент алекситимии, аффект. комп. – аффективный компонент алекситимии, * $p<0.05$, ** $p<0.01$, *** $p<0.001$

На следующем этапе проводили конфирматорный факторный анализ в статистическом пакете EQS 6.3. Проверка адекватности проведения факторного анализа при помощи критерия КМО показала, что использование факторного анализа на выборке исследования возможно. При значимости 0.00 мера адекватности выборки КМО составила 0.91.

Принимая во внимание данные предыдущих исследований и теоретическую структуру опросника, проверялась пригодность семи теоретических моделей:

- модель 1: пятифакторная модель с корреляциями факторов;
- модель 2: пятифакторная модель с двумя группирующими факторами аффективной и когнитивной алекситимии;

- модель 3: пятифакторная модель с двумя группирующими подфакторами и общим группирующим фактором;
- модель 4: двухфакторная модель с коррелирующими факторами;
- модель 5: двухфакторная модель с группирующим фактором;
- модель 6: бифакторная модель с пятью коррелирующими специфическими факторами и общим фактором алекситимии.

Поскольку критерий Шапиро-Уилка показал, что распределение переменных отклоняется от многомерной нормальности ($p < 0.001$), подтверждающий факторный анализ проводился с использованием поправки Саторры-Бентлера. Для оценки пригодности моделей использовали следующие показатели: 1) $RMSEA < 0.06$; 2) $CFI > 0.95$; 4) $IFI > 0.95$. Результаты проверки всех шести моделей представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Индексы пригодностей шести факторных моделей BVAQ

Модель	RMSEA (90% CI)	CFI	IFI
Модель 1	0.060 (0.056-0.064)	0.773	0.764
Модель 2	0.082 (0.079-0.085)	0.719	0.721
Модель 3	0.068 (0.064-0.071)	0.778	0.780
Модель 4	0.093 (0.090-0.096)	0.593	0.595
Модель 5	0.091 (0.088-0.094)	0.592	0.594
Модель 6	0.059 (0.056-0.062)	0.840	0.843

Ни одна из представленных моделей не достигает приемлимости по индексам CFI и IFI; наилучшие показатели демонстрирует бифакторная модель с пятью коррелирующими специфическими факторами и общим фактором алекситимии. Согласно этому результату, можно предполагать существование общего фактора алекситимии и частных факторов, представляющих собой относительно самостоятельные конструкты.

Заключение

Теоретическое рассмотрение нейрофизиологических оснований двухфакторной модели алекситимии позволяет констатировать наличие убедительных доказательств наличия ее аффективного и когнитивного подфакторов. В то же время эмпирическая проверка психометрических характеристик русскоязычной версии разработанного в соответствии с данной моделью психодиагностического инструмента BVAQ показывает достаточно противоречивые результаты. С одной стороны, опросник демонстрирует хорошие показатели надежности и конвергентной валидности; проверка дивергентной валидности обнаружила разнонаправленные слабые связи двух компонентов алекситимии. В то же время подтверждающий анализ показал низкие показатели пригодности моделей, построенных на допущении наличия двух факторов алекситимии; также выявлена их слабая взаимосвязь между собой, что противоречит оригинальной модели. Для дальнейшей разработки психодиагностического инструментария, который может применяться с целью отбора

респондентов при проведении отечественных психофизиологических исследований двух компонентов алекситимии, необходимо проведения дополнительных исследований.

Библиография

1. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (Шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 2001. С. 635-636.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг. 2020. 1 (155). С. 117-142.
3. Старостина Е.Г. и др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. 4. С. 31-38.
4. Bagby R.M. et al. Are there subtypes of alexithymia? // Personality and Individual Differences. 2009. 5 (47). P. 413-418.
5. Bermond B. et al. A cognitive and an affective dimension of alexithymia in six languages and seven populations // Cognition and Emotion. 2007. 21 (5). P. 1125-1136.
6. Bermond B., Vorst H.C.M. Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire // Personality and Individual Differences. 1999. 30 (3). P. 413-434.
7. Bermond B., Vorst H.C., Moormann P.P. Cognitive neuropsychology of alexithymia: implications for personality typology // Cognitive Neuropsychiatry. 2006. 11 (3). P. 332-360.
8. Bermond B. et al. The cognitive and affective alexithymia dimensions in the regulation of sympathetic responses // Int J Psychophysiol. 2010. 75 (3). P. 227-233.
9. Galan de M. et al. Conflict adaptation is predicted by the cognitive, but not the affective alexithymia dimension // Frontiers in Psychology. 2014. 22. 5. Article 758. 1-7.
10. Goerlich K.S., Aleman A., Martens S. The Sound of Feelings: Electrophysiological Responses to Emotional Speech in Alexithymia // PLoS ONE. 2012. 7 (5). Article e36951.
11. Goerlich K.S. The Multifaceted Nature of Alexithymia – A Neuroscientific Perspective // Frontiers in Psychology. 2018. 29. Article 1614. 1-7.
12. Kolb B., Whishaw I.Q. Fundamentals of human neuropsychology. New York: Freeman, 1996. 913 p.
13. Sifneos P.E. The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients // Psychotherapy and Psychosomatics. 1973. 2-6 (22). P. 255-262.
14. Taylor G.J., Ryan D., Bagby R.M. Toward the development of a new self-report alexithymia scale // Psychotherapy and Psychosomatics. 1985. 4 (44). P. 191-199.
15. van der Velde J. et al. Cognitive alexithymia is associated with the degree of risk for psychosis // PLoS One. 2015. 10 (6). Article e0124803.

Review of studies of the two-factor model of alexithymia and its psychophysiological bases and the validity of measuring instruments

Elena A. Dorosheva

PhD in Biology,
Associate Professor of the Department of Comparative Psychology
and Neurosciences,
Zelman Institute of Medicine and Psychology,
Novosibirsk State University;
Senior Researcher,
Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine,
630117, 1, Timakova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Tat'yana S. Burova

Student,

Zelman Institute of Medicine and Psychology,

Novosibirsk State University;

630090, 1, Pirogova str., Novosibirsk, Russian Federation;

e-mail: burovatiana02@gmail.com

Abstract

The article discusses a two-factor model of alexithymia, which suggests a connection between this trait and two neurophysiological blocks. The arguments in favor of distinguishing the cognitive and affective aspects of alexithymia are analyzed. The psychometric characteristics of the Russian-language version of the Dutch B. Bermond and G. Vorst Alexithymia Questionnaire (BVAQ), based on this model and widely used in foreign neurophysiological studies of alexithymia, were tested. The results obtained indicate the suitability of a number of psychometric characteristics, however, their certain inconsistency indicates the need for additional research to further develop psychodiagnostic tools that can be used to select respondents when conducting psychophysiological studies of the two components of alexithymia. Theoretical consideration of the neurophysiological foundations of the two-factor model of alexithymia allows us to state the presence of convincing evidence of the presence of its affective and cognitive subfactors. At the same time, empirical testing of the psychometric characteristics of the Russian-language version of the BVAQ psychodiagnostic tool developed in accordance with this model shows rather contradictory results. On the one hand, the questionnaire demonstrates good reliability and convergent validity; divergent validity testing revealed multidirectional weak associations between the two components of alexithymia. At the same time, confirmatory analysis showed low rates of suitability of models built on the assumption of the presence of two factors of alexithymia; their weak relationship with each other was also revealed, which contradicts the original model.

For citation

Dorosheva E.A., Burova T.S. (2024) Obzor issledovaniy dvukhfaktornoj modeli aleksitimii i ee psikhofiziologicheskikh osnovanii i validnost' izmeritel'nogo instrumentariya [Review of studies of the two-factor model of alexithymia and its psychophysiological bases and the validity of measuring instruments]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 33-43.

Keywords

Alexithymia, cognitive and affective component of alexithymia, neurophysiology, Bermond-Vorst Dutch Alexithymia Questionnaire, BVAQ, psychometric characteristics, psychodiagnosis.

References

1. Bagby R.M. et al. (2009) Are there subtypes of alexithymia? *Personality and Individual Differences*, 5 (47), pp. 413-418.
2. Bermond B. et al. (2007) A cognitive and an affective dimension of alexithymia in six languages and seven populations. *Cognition and Emotion*, 21(5), pp. 1125-1136.
3. Bermond B. et al. (2010) The cognitive and affective alexithymia dimensions in the regulation of sympathetic responses. *Int J Psychophysiol*, 75 (3), pp. 227-233.

4. Bermond B., Vorst H.C.M. (1999) Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 30 (3), pp. 413-434. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00033-7
5. Bermond B., Vorst H.C., Moormann P.P. (2006) Cognitive neuropsychology of alexithymia: implications for personality typology. *Cognitive Neuropsychiatry*, 11 (3), pp. 332-360. DOI: 10.1080/13546800500368607.
6. Galan de M., Sellaro R., Colzato L.S., Hommel B. (2014) Conflict adaptation is predicted by the cognitive, but not the affective alexithymia dimension. *Frontiers in Psychology*, 22, 5, 758, 1-7.
7. Goerlich K.S., Aleman A., Martens S. (2012) The Sound of Feelings: Electrophysiological Responses to Emotional Speech in Alexithymia. *PLoS ONE*, 7 (5), e36951.
8. Goerlich K.S. (2018) The Multifaceted Nature of Alexithymia – A Neuroscientific Perspective. *Frontiers in Psychology*, 29, 1614, pp. 1-7.
9. Kolb B., Whishaw I.Q. (1996) *Fundamentals of human neuropsychology*. New York: Freeman.
10. (2001) Metodika diagnostiki samootsenki motivatsii odobreniya (Shkala lzhi) D. Marlou i D. Krauna [Scale for the diagnosis of Social Desirability (Scale of lies) by D. Marlowe and D.P. Krauna] In: *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests]. Samara.
11. Sifneos P.E. (1973) The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2-6 (22), pp. 255-262.
12. Osin E.N., Leont'ev D.A. (2020) Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiua: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Short Russian-language scales of diagnosis of subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis]. *Monitoring* [Monitoring], 1 (155), pp. 117-142.
13. Starostina E.G. et al. (2010) Torontskaya shkala aleksitimii (20 punktov): validizatsiya russkoyazychnoi versii na vyborke terapevticheskikh bol'nykh [Toronto Alexithymia Scale (20 points): validation of the Russian version in a sample of therapeutic patients]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 4, pp. 31-38.
14. Taylor G.J., Ryan D., Bagby R.M. (1985) Toward the development of a new self-report alexithymia scale. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 4 (44), pp. 191-199.
15. van der Velde J. et al. (2015) Cognitive alexithymia is associated with the degree of risk for psychosis. *PLoS One*, 10 (6), e0124803.